

Brandner, Aleš

**[Колесов, Владимир Викторович. Историческая грамматика русского языка:
учебник для высших учебных заведений Российской Федерации]**

Linguistica Brunensia. 2012, vol. 60, iss. 1-2, pp. 312-316

ISBN 978-80-210-5883-5

ISSN 1803-7410 (print); ISSN 2336-4440 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/118259>

Access Date: 30. 11. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

fánské kultuře, ale i současné kultury a společnosti. Práci bychom mohli vytknout pouze některé pravopisné chyby a věcné nepřenosti – např. jej prodali Izmaelitským (Izraelitským – s. 59), s Ivanem Vasiljevičem III. (1140–1505) – (1440 – 1505 – s. 70), po smrti Bohdana Chmelnyckého (Chmelnickeho – s. 87), animátorská dílna V. Disneye (W. Disneye – s. 101), podskupiny **trpělivos** (trpělivost, s. 111), nepomůžea (nepomůžea, s. 117), Mironova, G. (Myronova, G., s. 126), spjatai (spjata i, s. 160), vy významu (ve významu, s. 164), **komprace** (komparace, s. 179), Lybii (Libyi, s. 181) aj.

Danou publikací zcela jistě ocení středoškolská a vysokoškolská učitelé ruštiny i češtiny, ale také jejich studenti a další badatelé z řad jazykovědy; zvláště s ohledem na aktuálnost věnovanou tématu biblických a křesťanských frazémů, kterým byla před rokem 1989 věnována velmi malá pozornost (z logických politických důvodů) a nyní zažívají svoji „renesanci“. Zajímavě a do jisté míry i novátorsky působí frazémy poslední frazeosémantické skupiny *fyzické možnosti a stav, dovednosti a činnost člověka*, kde se objevují frazeologické skupiny a podskupiny ne často zmiňované v jiných odborných publikacích, např. *podskupina mimořádné dovednosti a činnost člověka, podskupina umělecká činnost, podskupina sportovní činnost, podskupina fáze činnosti* aj.

Markéta Pavlasová

Колесов, В. В.: Историческая грамматика русского языка. Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. Санкт-Петербург, Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 512 с. ISBN 978-5-8465-0794-4

Автором рецензируемого учебного пособия является видный представитель современного русского языкознания Владимир Викторович Колесов, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Оно подготовлено в рамках проекта „Создание нового поколения учебников и учебных пособий по русскому языку и литературе для высших учебных заведений РФ“, реализуемого Факультетом филологии и искусств СПбГУ на средства пожертвования Фонда „Русский мир“. Предлагаемый учебник посвящен описанию последовательной смены древнерусского (X–XII вв.), общерусского (XIII–XIV вв.) и старорусского (XV–XVIII вв.) периодов в истории русского языка. Название „историческая грамматика“ является традиционно установившимся, но нельзя его признать вполне точным. Историческая грамматика включает в себя фонетику, морфологию и синтаксис. По мнению многих лингвистов (и для этого есть основания), грамматику составляют лишь морфология и синтаксис, фонетика образует особую область. Но, поскольку изучение морфологии и синтаксиса (в особенности же морфологии) без знания фонетики невозможно, включается в этот курс также фонетика.

Объектом исторической грамматики является историческое развитие живой речи во всем диалектном разнообразии, в той мере, в какой это может быть сделано на основании изучения письменных памятников и сопоставления их с другими источниками с древнейших времен до наших дней. На основании дошедших до нас письменных памятников можно строить достаточно вероятные гипотезы о развитии русского языка в более древние, дописьменные эпохи. Автор настоящей книги отмечает, что основные изменения языка произошли до начала XVIII в.; с этого времени процессы в языке следует изучать в курсе „Современный русский литературный язык“.

Основные факты исторической фонологии излагаются как продолжение исходной системы фонем восточнославянского диалекта в составе праславянского языка (период с X в.). Общими закономерностями этого периода являлись закон открытого слога и закон слогового сингармонизма, функционировавшие в др.-русс. языке до падения редуцированных. Анализируется состав и распределение гласных и согласных фонем. К середине X в. автор относит развитие русского полногласия из праславянских сочетаний типа **tort* > *torot*. Для этого этапа он предполагает также начало т. наз. второго полногласия (**tъrt* > *търъt*), причем его завершение включает в период после падения и вокализации еров. Начальные праславянские сочетания

типа **ort-*, **olt-* развились в зависимости от интонации не то в *rot-*, *lot-*, не то в *rat-*, *lat-*. Именно зависимость от различия интонации доказывает особую древность их изменений. Историки языка предполагают, что эти изменения произошли еще до преобразования групп типа **tort*, т. е. в конце VIII в. Далее описываются изменения в области фонологической системы др.-русск. языка, которые произошли в период до XIV в.; создались таким образом типичные черты вост.-слав. языковой ветви, которыми вост.-слав. языковая ветвь отличилась от зап.-слав. и юж.-слав. (утрата редуцированных гласных и фонологические последствия этого процесса, вторичное смягчение полумягких и развитие корреляции согласных по твердости-мягкости, развитие корреляции согласных по звонкости-глухости, переход фонемы *e* > *o* в ударной позиции – до сих пор позиционные варианты гласных звуков стали самостоятельными фонемами, история фонем *z* и *ǰ*, утрата количества и появление редуцированных гласных: возникновение в литературном языке т. наз. аканья и иканья, в диалектах – оканья, еканья, ёканья. яканья). Фонетические изменения приводили к преобразованию в области орфографии. На протяжении всего средневековья происходило соревнование фонетического и морфологического принципов орфографии, завершилось оно лишь в XVIII в. известной теорией письма М. В. Ломоносова, утвердившей морфологический принцип как основной. Наоборот, графика как система обозначений на письме сегодня отражает фонетический принцип др.-русск. языка.

Изменения др.-русск. языка явились продолжением общеславянских грамматических процессов. Надо иметь в виду, что развитие морфологической системы русского языка от древнейших эпох до нашего времени определяется процессами унификации форм (ср.: окончания мужских основ на **o-* и на **u* варировали друг с другом, взаимодействие основ женского склонения, когда мягкие **ja-* основы стали при склонении подчиняться твердым основам на **a-* и др.), процессами упрощения системы форм словоизменения. Названные процессы получили конкретное воплощение прежде всего в истории форм имен существительных.

Основные категории имени в историческом развитии – это тип склонения (основа), род, число, падеж, затем и одушевленность. В настоящем учебном пособии дается анализ с точки зрения их формирования в историческом развитии языка. В праславянском языке всеобщим свойством каждого имени был тип, характер основы: все имена либо отличались друг от друга, либо входили в общий род по типу основ. Однако в это время уже началось существующее перераспределение имен по типам основ в зависимости от формального рода. Имена начинают восприниматься как мужского, женского или среднего рода. Многочисленные типы склонения таким образом постепенно сводились в ограниченное их число, определяемое теперь грамматической категорией рода. Генетически категория рода синтаксична по функции. Самостоятельной она стала в связи с развитием категорий лица и одушевленности. Категория одушевленности – по форме это выражение объекта посредством родительного, а не винительного падежа. Она становилась постепенно: первоначально это была категория лица, когда все одушевленные имена мужского и женского рода стали получать новую форму винительного-родительного, тогда категория лица преобразовалась в категорию одушевленности. В XVII в. она распространилась на все слова, обозначающие живых существ (в том числе и на слова среднего рода, ср.: *я вижу насекомых*). В связи с изложениями о развитии категории числа автор касается также проблематики происхождения собирательности имен. С XIII в. стала утрачиваться категория двойственного числа: формы двойственного числа постепенно заменялись совпадающими с ними формами множественного числа. Однако после XV в. засвидетельствован и обратный процесс: двойственное число заменяет необходимые формы множественного числа (ср.: *рога, бока, глаза, берега* исконн *рози, боци, глази, берези* и др.). Категория падежа с самого начала являлась синтаксической, поскольку падежная форма имени выражает отношение имени к другим словам в речи. В книге обращено внимание на происходившие преобразования форм единственного и множественного числа.

Искони между существительными и прилагательными не было никакого грамматического различия. Противопоставление кратких и полных прилагательных было сначала связано с категорией неопределенности/определенности, оказавшейся, однако, в др.-русск. языке неустойчивой. Краткие формы стали сохраняться только как именная часть сказуемого, в результате чего они перестали склоняться. Наоборот, притяжательные прилагательные с суффиксами *-ов (отцов)* и *-ин (сестрин)* сохранились в роли определения, и поэтому не утратили склонение. Дается исторический анализ изменения полных прилагательных, определяется их семантика, затронут вопрос образования степеней сравнения.

Изложения автора далее сосредоточены на функционировании числительных. Как особая часть речи сложились они в относительно поздний период истории русского языка. В др.-русск. языке слова-названия чисел относились или к прилагательным, или к существительным, или вообще не являлись отдельными словами. Впервые М. В. Ломоносов в своей „*Российской грамматике*” (1755) назвал числительные особой частью речи.

К самым древним словам человеческого языка относятся местоимения и наречия. Они имели чисто указательные функции, без лексического значения. Это стало, видимо, причиной того, что автор настоящей работы проходит историю наречий сразу после комментариев, посвященных местоимениям. Обе части речи в древнерусскую эпоху претерпели значительные изменения. Что касается наречий, их круг был в др.-русск. языке ограничен, однако на протяжении всей истории язык пополнялся и до сих пор пополняется новыми наречиями.

В глагольной системе на протяжении истории русского языка произошли наиболее крупные изменения. Система др.-русск. глагола характеризовалась целым рядом категорий, причем таких, которые есть и теперь в современном русском языке, однако их роль и формы в древности были иными по сравнению с современными. Особенно сильно изменились категория вида и времени, тесно связанные друг с другом. Поэтому одним из наиболее важных вопросов истории глагола является вопрос об истории его видо-временной системы. Автор дает характеристику той системы времен, которая была свойственна для др.-русск. языка к моменту появления письменности. В источниках XI-XVII вв. всех жанров и типов текста засвидетельствованы изменения в системе времен др.-русск. языка. Теория и история глагольного вида объединены термином „аспектуальность”. Развитие категории вида прошло несколько этапов: 1/ определенность / неопределенность (тип *вести – водить*), 2/ предельность (перфективность, тип *веде*) / неопределенность (имперфективность, тип *ведяше*), 3/ совершенный / несовершенный (тип *приведу – веду*). Постепенное становление новой видовой системы готовило почву для разрушения старой временной системы с простыми претеритами. Аорист и имперфект накануне их утраты отдавали свои функции перфективности / имперфективности перфекту, который стал универсальной формой прошедшего времени. Важным средством организации видовых противопоставлений стало то, что приставки начали грамматикализироваться, стали менять вид несовершенный в совершенный, со значением будущего времени (ср.: *едет – уедет*).

После образования категории вида (т. е. не ранее XVII в.) стала складываться категория залога. Ход развития данной глагольной категории представлен в последовательности: признак „рефлексивность”, т. е. возвратность (оппозиция *возвратный – невозвратный*, формальным средством выражения стало возвратное местоимение *себе* в форме энклитики вин. п. *ся*), признак „транзитность”, т. е. переходность (оппозиция *переходный – непереходный* (касалось невозвратных глаголов, в разное время сюда включали различные группы глаголов, одни и те же глаголы одновременно могли выступать как переходные и как непереходные), признак „пассивность”, т. е. страдательность (касалось переходных глаголов, оппозиция *действительный – страдательный*). Процесс формирования залоговых отношений был длинным. На основании данных, полученных из литературных памятников, автор предполагает, что описанные изменения в XVI в. еще не были завершены.

Под заглавием „Внеличные категории глагола” разбираются с исторической точки зрения категория наклонения и причастия.

Индоевропейскому языку приписывается сложная система наклонений (индикатив, инфинитив, опатив, субъюнктив, конъюнктив и императив). Однако в праславянском языке эта сложная система наклонений была перестроена. Самостоятельными наклонениями были супин и инфинитив. Супин исчез до появления первых письменных др.-русск. текстов. Инфинитив в значении неопределенного наклонения становился нормой с XVII в. Раньше употреблялся после модальных и фазисных глаголов (ср.: *хочю рыбу ловити*). Повелительное наклонение восходит не к императиву, а к опативу. Условное (сослагательное) наклонение сохранило несколько модальных наклонений – инфюнктив, конъюнктив, опатив и т. д. В современном виде оно создавалось на протяжении XIII- XIV вв.

В др.-русск. языке, как и в современном, существовали причастия действительного и страдательного залога, настоящего и прошедшего времени; они были не только полными, но и краткими. Анализируется их функционирование и системные изменения на протяжении др.-русск. а ст.-русск. периода. Краткие причастия адвербиализовались и по функции сблизились с наречиями. Наконец, из кратких причастий действительного залога развились и оформились деепричастия. Полные формы, наоборот, претерпевали адъективацию, стали прилагательными.

Древнерусский синтаксис отличался от современного. На протяжении истории др.-русск. языка происходило совершенствование его синтаксической системы. Основным источником сведений о синтаксисе языка – это письменные тексты, содержащие заимствования из греческого языка в переработанном виде старославянским языком. Изменения в синтаксическом строе языка зачастую определяются изменениями в его морфологической системе, так как морфология и синтаксис тесно связаны между собой. Поэтому в книге уделяется особое внимание тем частям речи, которые стали средством логического скрепления парадигменных слов, создавая законченные синтаксические единицы – предложения. В др.-русск. языке это были частицы, предлоги и союзные слова. В разделе, посвященном синтаксису, отмечается, что процессы его изменения и развития затронули как простое, так и сложное предложение, способы выражения как главных членов предложения, так второстепенных, способы связи слов в предложении и т. д. Поэтому автор счел необходимым установить как особенности синтаксической системы, которые характеризовали др.-русс. язык, так и пути, по которым шли изменения этой системы. Др.-русск. язык характеризовался наличием простых двухсоставных и односоставных предложений (самый древний тип определенно-личные предложения, позже появились неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные и номинативные предложения). Др.-русск. язык имел как сложносочиненные, так и сложноподчиненные предложения. Объединение предложений в сложносочиненных структурах осуществлялось посредством сочинительных союзов. Средства подчинения развивались постепенно. Отличались они многозначностью. Однако развитие шло по линии закрепления за ними одного конкретного значения. Кроме того, возникали новые подчинительные союзы и некоторые старые утратились. Письменные памятники обнаруживают целый ряд фактов бессоюзного подчинения предложений. Одним типом сложного предложения являются прямая и косвенная речь. Прямая речь представляет собой сложносочиненное, косвенная речь – сложноподчиненное предложение. Для косвенной речи др.-русск. памятников, до самой середины XVIII в., весьма характерной чертой являлось отсутствие грамматических лиц. Внешне косвенная речь получала форму придаточной изъяснительной части, однако употребление грамматических лиц не отличалось от прямой речи (ср.: *И после поученья передъ народомъ сказаль, что я впредь вамъ не буду патриархъ* /Дело Ник./).

В настоящем издании рассмотрены преобразования грамматических парадигм и категорий, указаны семантические причины их формирования и морфологические основания всех происходивших со временем фонемных изменений, описаны синтаксические явления языка. Подробно излагается фактический материал, полученный из оригинальных текстов. Книга

предназначена как учебное пособие. По нашему мнению, она перегружена слишком подробными изложениями проходимых фактов. Полностью в ней теряется дидактический учет. В настоящем виде она представляет собой монографию, составленную на высоком уровне современных знаний, полученных путем тщательного изучения др.-русск. письменных памятников.

Алеи Бранднер

Вопросы культуры речи. Выпуск 10. *Отв. редактор А.Д. Шмелев.* Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА 2010. 432 с.

Sborník obsahuje příspěvky přednesené na mezinárodní konferenci *Культура русской речи*, která se konala v roce 2007 v Zvenigorodu. Témata článků se vyznačují velkou různorodostí. Jsou to články věnující se jazykové kultuře jako samostatnému oboru jazykovědy, články o kultuře řeči nositelů současné ruštiny, o nových gramatických a syntaktických konstrukcích, o vzájemném vztahu systému, normy a úzu v různých funkčních stylech a regionálních variantách ruského jazyka. Řada prací posuzuje sporné otázky ortoepické, ortografické a gramatické normy a také problematiku současného církevněslovanského jazyka. Podle tematického zaměření jednotlivých článků je kniha rozdělena do pěti oddílů: *Русский язык начала XXI века и культура речи; Соотношение системы, нормы и уза в орфографии и орфоэпии; Новые явления в грамматике и синтактике русского языка; Функциональные стили и региональные варианты русского языка; Живой церковнославянский язык.*

I. Русский язык начала XXI века и культура речи

N. G. Braginová pojednává o výkladu slova „несвобода“ (a slov tvořených předponou „не-“ vůbec) ve výkladových slovnících. A. N. Zalizňaková se zabývá sémantickým posunem slova „отдых“ v 19.–20. století. Kritéria rozvoje normativnosti jsou předmětem příspěvku E. M. Lazutkinové. I. B. Levontinová popisuje jazykové změny, které mají souvislost se změnami uvědomění společnosti a žebříčku jejích hodnot. Tématem příspěvku N. D. Sevast'janovové je slang v současné ruštině a problémy s jeho zařazováním do slovníků. O. I. Severskaja pojednává o slovu „гламур“ (kouzlo, půvab, šarm), jazykové výpůjčce z angličtiny. O. B. Sirotininová popisuje současný stav ruštiny jako výsledku působení objektivních procesů, např. nepřetržitého vývoje jazyka, globalizace světa, v neposlední řadě také přechodu od sovětské k postsovětské existenci země, jejího národa, kultury. Z. K. Tarlanov hovoří o faktorech, které ovlivňují jazykovou kulturu. E. V. Urysonová přibližuje užití dvou výrazů pro označení bezdomovce: „бомж“ a „бродяга“, A. E. Cumarev pojednává o rozdílnosti výrazů „премиумный“ a „премиальный“. V. D. Čerňak popisuje experiment, kterým byla zjištěna značně neuspokojivá úroveň kulturní gramotnosti studentů prvního ročníku dvou petrohradských vysokých škol. A. D. Šmelev se věnuje otázkám jazykové kultury, změnám řečové etikety v uplynulých dvou desetiletích a novým jazykovým výpůjčkám. E. A. Šmelevová sleduje posun významů slov individualismus, individualista, kariérismus, kariérista a egoismus, egoista, a to od negativní k neutrální, či dokonce pozitivní konotaci. E. V. Štelmachin se zaměřuje na problémy začlenění přenesených významů slov do struktury heslového odstavce v normativním výkladovém slovníku ruského jazyka, který vzniká v Laboratoři počítačové lexikografie Filologické fakulty Petrohradské státní univerzity pod vedením G. N. Skljarevské.

II. Соотношение системы, нормы и уза в орфографии и орфоэпии

E. V. Bešenkovová se ve svých dvou příspěvcích věnuje vztahu normy a kodifikace a zamýšlí se nad potřebností pravidel. S. N. Borunovová podává přehled ruských pravopisných příruček od r. 1956, kdy vyšlo první vydání pravopisného slovníku ruštiny. I. T. Veprevová analyzuje jazyk ruskojazyč-